

ТЕОДОР РЁТКЕ

*С английского **

Пробуждение

Проснулся я и думал в полусне:
Моя судьба — там, где неведом страх,
Учусь в пути, и цель понятна мне.

Мы чувством думаем. Но что понять извне?
Моя душа — лишь звук в чужих ушах,
Проснулся я и думал в полусне.

Из тех, кто близок, как узнать — кто ты?
Пусть Бог благословит мой тихий путь,
Учусь в пути, и цель понятна мне.

Свет дерево укрыл. Как? Кто поймет вполне?
По лестнице крутой ползет червяк.
Проснулся я и думал в полусне.

Великая Природа с высоты
Еще приветит нас. В ее лесах
Учись в пути, цель встретишь в тишине.

Страх душу утвердит. Понять бы мне —
Ушедшее ушло, но близко так...
Проснулся я и думал в полусне.
Учусь в пути, и цель понятна мне.

* ТЕОДОР РЁТКЕ — Стихи (Перевод с английского Р. Сефа, Ю. Мориз, А. Сергеева) // Современная американская поэзия (М.: Прогресс, 1975), 233–243.
Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2008.
<http://imwerden.de>

Ночное путешествие

На Запад поезд мчит,
Качает землю ритм,
Колеса говорят,
Я вглядываюсь в ночь,
Пока купе молчит.
А кружево мостов,
Деревьев кутерьма,
Туман в отрогах гор
Перебегают взгляд —
Вот пустошь меж холмов,
Вот озеро во мгле.
Внезапный поворот
Сжимает горло так,
Что каждым нервом в такт —
Кривая к стенке жмет;
Мелькает светофор
Все ярче. Был — и нет,
Летим во весь опор,
Плывет по рельсам свет.
Ущельем ледяным
Туманится окно,
Ворвались в дождь. Темно.
Дробь за окном двойным.
Летает взад-вперед
Колено шатуна,
И за окном лежит
Любимая страна.

Мой дом открыт

Кричат секреты вслух,
К чему язык теперь?
И сердце настезь, друг,
И всем открыта дверь,
Мой эпос — ясность глаз,
Любовь, но без прикрас.

Предсказан смех и стон,
И боль не заперта,
И пусть я обнажен,
И щит мой — нагота,
Я сам — все, что на мне,
Но дух мой — в тишине.

Пускай мой гнев не стих,
Свершенье не соврет,
Правдивость слов моих
Закроет лгущий рот,
Закончится крик мой
Агонией немой.

Выброшенные цветы

Канны тлеют, как шлак,
Вялые, сонные стебли,
Огромная клумба погибших цветов —
Гвоздики, вербена, трава,
Плесень, сухие листья,
Вывороченные корни,
Чьи побелевшие вены,
Как волосы, переплелись;
Комья земли сохраняют форму цветочных горшков,
Все увядает,
Но сверху гордо лежит тюльпан —
Только что умерший щеголь —
Над теми, кто перестал
Жить раньше него.

Память

В медленном мире сна
Мы дышим вдвоем,
Мир умирает в нас,
Обо мне все знает она.

Повернулась, вернулась вновь,
Полуптица и полузверь,
Умирает ветер в холмах,
Все, что понял я, есть любовь.

Лань у ручья видна,
Олененок... И жизнь жива,
Я за ними пойду, тогда
Камнем станет трава.

Свет надо всем

I

Иди к озерам, иди к стоячей воде,
К замшелым прудам, где плавают мертвые листья,
Трясина затягивает щепки.

Коряга перевернулась под ногой,
Всплыли длинные водоросли,
Взгляд замер.

Ветерки звенят,
Прохладен звук,
Тихим затонам
Без него невмочь.

Повернулась ладонь
Виноградного листа,
Застывший камень
Моллюском стал.

Дождь моросил,
Что было сил,
В дреме влажной
Я там бродил.

II

— Ангел-хранитель, — спросил я, —
Разве я проклял солнце?
Повинуйся и отвечай!

Под желтеющими снопами,
Под чернеющими листьями,
За стеной густого кустарника,
В некошеной траве на краю поля,
На заливном лугу, просыхающем только в августе,

Неужели целовал я прах?
Вздых мой растаял вдали,
В одиночестве устами прильнул я к камню,
Нежный, танцевал на песке.

III

Мой гость, грязи нет на руках моих,
Теплые ноздри коня могу ощутить ладонью,
Тропа убегает,
Солнечные блики играют на перекатах,
Трепещут крылышки поутру,
И огромный вяз одевается щебетаньем.

Послушай, любовь моя,
Тучный жаворонок поет в небе,
Я прикоснулся к земле, согретой взлетевшей птицей,
Соль проступила сквозь почву и засмеялась,
Папоротник, и камень, и юркая ящерица —
Каждый жил своей жизнью. Ростки с трудом пробивались,
Маленькие мои!

Я видел! Я видел!
Я видел неповторимость всего,
Мое сердце восходило с высокой травой,
Доверяли мне водоросли и птицы в гнездовьях,

Облака изменяли форму в кронах высоких кедров,
Пчела жужжала в жимолости, и падали капли росы,
Земляные черви грелись на солнце,
А я все шел и шел сквозь светящийся воздух,
Я двигался вместе с утром.

Печаль

Я изведал печаль карандашей,
Аккуратно лежащих в коробках,
Я знаю грусть дырокола, клея и скоросшивателей —
Боль, тоску и безродность безупречных учреждений,
Одиночество туалетов и пустоту приемных,
Обязательность кувшина и неременность тазика,
Священность авторотатора, скрепки и запятой,
Бесконечное повторение жизней, лиц и предметов.
Я видел, как сеялась пыль с высоких стен учреждений —
Тоньше тонкой муки, опаснее угольной пыли.
Невидимая почти в однообразии будней,
Она покрывала пленкой брови, ресницы, ногти,
Садилась на светлые волосы совершенно стандартных людей.

Песня

1. Я встретил босяка,
Он долго свысока
Смотрел поверх меня.
«Что сделал я тебе?» —
Я крикнул, пятась прочь.
Вздохнула пыль вокруг,
Стена разверзлась вдруг.

2. Я помчался вниз по дороге,
В стране холодного камня,
В долине, где зерна мертвы.
И когда я устал, я лег
Возле дерна и дикой травы,
На отшибе равнины сырой.
Я рассматривал трещину в глине,
В сердцевине крошился комок:
Старая келья краба —
Я всмотрелся, и я запел.
3. Я пел абсолютно всему
Внутри этой мокрой дыры —
Я музыкой нежил нору,
Словно я спятил с ума.
И по коже прошел мороз,
И со щек моих пот потек,
Когда вдруг, или мне показалось вдруг,
Чей-то голос мне петь помог.
Детский голос, который был
Так близок и так далек.
Со слогом сливался слог,
Я целовался с камнем.

Круг

Поток подземной влаги
Из-под камней и пней,
Из-под корней деревьев
Воскрес в один из дней,
Всплыл облачком в овраге
И в облаках исчез.

Дождь извивал зигзаги,
И облака громило
Вдали от родника,
Где все стихии мира
Скрывает камня скрытность.
Стал гулким воздух в логге.

Дождь, ослабев слегка,
При шуме смирной влаги
Сполна излился в круге
Под жесткий грунт в овраге,
Под жилу родника,
Под камня первобытность.

Мельчайшее

Витание пернатых,
Журчание цикад.
В заоблачных пенатах
Зажегся звездный взгляд:
Роднит блаженство нас
В такой осенний час.

Луна полнеть пошла,
Луна садится плавно.
Вблизи видны тела,
Далекие недавно.
Траву пробрал сквозняк —
И прежний мир возник.

Что в зарослях шуршит?
Утраченный во сне,
Конкретный мир спешит,
Спешит в меня — извне,
Беззвучно ставя ноги
На грунт сырой дороги.

Мельчайшего слуга,
Я — мелюзги пастух.
В лугах, где мелюзга,
Подвижен даже прах,
Там в каждом — смысла свет,
И камень там крылат.

Интерлюдия

Воздушный вихрь с цепи сорвался вдруг.
В пылу сдирая за листком листок,
Стихия расшвыряла их вокруг.
Вот-вот, мы ждали, брызнет водосток.

Рос хаос, а меж тем за часом час
Свет поднебесный убывал и гас.
От жуткой тьмы зрачки расширились у нас,
Но был сухим простор, где пыль и пляс.

Дождь в облаках застрял, и мрак роился,
Зарылся ветер в травяные холмы.
У нас в руках по жилам страх струился.
Мы ждали зря всего, что ждали мы.

Вся земля, весь воздух

1. Передо мною камни.
Они окаменели.
Шуршит волнистый плющ.
Рыбешки мельтешат.
Взъерошен рябью пруд.
2. Восторг — мой грех. Я емь!
Роскошествую здесь,
Как кошка в развилке ветвей,
Выгибающая хребет.
Подумал и смеюсь.
3. Блаженства феномен,
Мне кошка греет кровь.
Когда легко, как зверь,
Она идет вдоль стен,
Я забываю все.
4. Прекрасна эта плоть
И не способна лгать:
Цветок разит пчелу.
Слова камней и рыб:
«Вне бездны нет земли».
5. Отчалил сонный луг.
Где мертвецы? Одна
Звезда плывет вблизи.
Скользит листва с луной.
Он мой — мой луг! Он мой!
6. С угрюмой тьмой вдвоем
Я втиснулся в проем.
Что ад? Душевный хлад.
Но кто, поймав кошачий взгляд,
Не будет втайне рад?

Распродажа

В продаже наследство — от гонки устав,
Наследники перечисляют состав:
Стул «чиппендейл», оттоманка и пуф,
Плюс погреб с кошмарами, с призраком шкаф.

Комплект полированный — глянец и блеск,
Конюшня и лес для охоты на лис,
Ротонда, где звуки оркестра лились,
Плюс деда десница, парящая здесь.

Малиновый шелк — чтоб софу накрывать,
Концертный «Бехштейн», с балдахином кровать,
Библиотека — где в бридж вистовать,
Плюс нескольких глаз водянистая муть,

Ковер из гостиной — кровавый квадрат,
Стол мощный — где каждый нажраться был рад,
Буфет — где спивался лакей, говорят,
Плюс въевшийся в дерево гнилостный смрад.

Обои из шелка, ручного письма,
Детей никогда не выдавшая тьма,
Перстни в бликах греха и больного ума,
Плюс изъянец в крови, худосочной весьма.

Вальс моего папы

Свалить ребенка с ног
Ты мог парами виски,
Но я повис, как дог,
И вальс был слаще в риске.

Посуду тряс сумбур
По шкафчикам стенным,
Был мамин облик хмур —
И мог ли быть иным.

Твой палец, как никак, —
Разбитая костяшка.
Когда не шел ты в такт,
Мне в ухо лезла пряжка.

Ритм вальса отбивал
Ты на моей макушке
И так дотанцевал
Со мною до подушки.

*Элегия памяти Джейн,
моей студентки, убитой лошадью*

Я помню ее кудряшки, похожие на усики винограда,
Ее быстрый взгляд и зубастенькую улыбку
И как она, вступив в разговор, окружалась легкими звуками
И с восторгом доказывала что-то свое,
Ласточка, милая, хвостик по ветру.
Когда она пела, трепетали ветки и веточки,
Тени ей подпевали и листья,
И шелест их переходил в поцелуи,
И пела в белесых аллеях земля, на которой выросла роза.

Грустя же, она опускалась в такие глубокие чистые бездны,
Что даже отец ее не нашел бы;
Терлась щекой о сено,
Плескалась в прозрачной речке.

Воробышек мой, тебя уже нет,
Мой папоротничек, ронявший колючую тень.
Влажные камни не могут меня утешить,
Как и мох, пораженный закатным блеском.

О если б я мог разбудить тебя,
Моя искалеченная радость,
Голубка, плескавшаяся в ручье.
Над свежей могилой я говорю о своей любви,
Не имея на это права,
Не отец, не любовник.

Об авторах

РЁТКЕ, ТЕОДОР (ROETHKE, THEODORE), 1908—1963. Род. в Согиноу, Мичиган. В 1929 г. окончил Мичиганский университет, затем изучал право, в 1930—1931 гг. занимался в Гарварде. В 30—40-е годы преподавал английскую литературу в различных учебных заведениях. С 1948 по 1963 г. был профессором Вашингтонского университета (Сент-Луис). Сборники стихов Т. Рётке: «Открытый дом» (“*Open House*”, 1941), «Потерянный сын» (“*The Lost Son*”, 1948), «Хвала до конца!» (“*Praise to the End!*”, 1951, премия Пулитцера^А), «Я есмь! — говорит агнец» (“*I am! Says the Lamb*”, 1961). Посмертно изданы сборники: «Дальнее поле» (“*The Far Field*”, 1964), «Собрание стихотворений» (“*Collected Poems*”, 1966) и книга выдержек из дневников «Солома для костра» (“*Straw for the Fire*”, 1972).

Содержание

Пробуждение. Перевод Р. Сефа	233
Ночное путешествие. Перевод Р. Сефа	234
Мой дом открыт. Перевод Р. Сефа	234
Выброшенные цветы. Перевод Р. Сефа	235
Память. Перевод Р. Сефа	235
Свет надо всем. Перевод Р. Сефа	236
Печаль. Перевод Р. Сефа	238
Песня. Перевод Ю. Мориц	238
Круг. Перевод Ю. Мориц	239
Мельчайшее. Перевод Ю. Мориц	239
Интерлюдия. Перевод Ю. Мориц	240
Вся земля, весь воздух. Перевод Ю. Мориц	241
Распродажа. Перевод Ю. Мориц	241
Вальс моего папы. Перевод Ю. Мориц	242
Элегия памяти Джейн, моей студентки, убитой лошадьё. Перевод А. Сергеева	243

Примечание автора электронной версии

В сборнике *Современная американская поэзия*, в стихотворении «Пробуждение», в предпоследней строке допущена явная ошибка: «Проснулся я и думал в тишине». В стихотворении “The Waking” четырежды повторяется строка-рефрен “I wake to sleep, and take my waking slow”, переведенная переводчиком как «Проснулся я и думал в полусне».

^А Пулитцеровской премии поэт удостоен в 1954 г. за книгу «Пробуждение» (*The Waking*. Doubleday, 1953). (Прим. автора электронной версии.)